

ДОКТОР КРАСИЛЬНИКОВ

Рассказ

Фёдор Николаевич шёл улицей, низко опустив голову. Меньше всего хотелось увидеть кого-нибудь из знакомых, поймать удивлённый, любопытный, а ещё хуже сочувствующий взгляд. Дойдя до перекрёстка, не свернул к дому: невозможно было встретиться с женой, с дочкой. Жена как всегда засуетится. На столе уже стоят обеденные приборы, прикрытые салфеткой, электроплитка включена: он приучил к тому, что не может терять ни минуты. Всегда звонил перед возвращением. Жена в голубом переднике, который так идёт ей, внесёт в столовую миску. Ловкими движениями нальёт борщ, забелит сметаной, присыплет его петрушкой. Наташа незаметно придвинет свой стул поближе к отцу, смеющимися голубыми глазёнками посмотрит на него. Жена сядет напротив и тоже ожидающе взглянет: он всегда за обедом рассказывает о своём насыщенном и полном рабочем дне.

И вот сегодня надо будет сказать им одно короткое слово:

— Сняли.

Удивлённо поднимутся светлые бровёнки Наташи, не понимая ничего, будет она переводить взгляд с отца на мать. А Маруся прижмёт руки к груди, заалеется, как всегда в минуту тревоги. И надо будет объяснять:

— С работы сняли. Как не справившегося...

И это сказать ей, агроному Румянцевой, у которой только удачи в работе.

Красильников ускорил шаги, как будто жена или дочь могли догнать его, направился к реке, но не к перевозу, а окраинными улицами к парому. В горах таял снег, вода в Кубани поднялась, стала жёлтой, у берега вихрился водоворот, прямо на него, вольготно раскинувшись в кольце автомобильной камеры, стремительно плыл, подгоняемый быстрым течением мальчишка лет тринадцати, угольно-чёрный от загара, с намокшим на лбу хохолком.

Красильников невольно оторвался от своих невесёлых мыслей.

«Завертит чертёнка!» — обеспокоенно подумал он.

Но мальчишка неуловимо быстро изменил положение тела, подгрёб левой рукой, и вот уже камера неслась по самой быстрине, оставив водоворот вправо от себя.

Мальчишка закинул руки за голову, щурясь от солнца, смотрел прямо в небо и задорно и торжествующе свистал, бороздя ногами воду.

«Ишь ты, торреадор!» — почему-то подумалось Красильникову, и обида с новой силой охватила его: а вот он не сумел во-время сделать какое-то необходимое движение и закрутило в водовороте, выбило опору, теперь свисти не свисти — всё кончено.

Он шёл над Кубанью. Дня три тому назад прошёл дождь. Тропки белели, высохшая глина звенела под каблуком, а в стороне от них озёрками стоят в траве лужи, уже затягиваясь по краям зеленоватой плесенью, у самой реки сложенный пирамидами сушился саман; высоко подоткнув юбки, несколько женщин деловито месили ногами жидкую глину.

В реке купали коней. Мокрая шерсть лоснилась на солнце.

— Фёдор Николаи-ич! — призывно донеслось до Красильникова.

Он вздрогнул. На вороном красавце, прижимая колени к его бокам, гарцевал рыжий паренёк, сын больничного кучера.

«Не знает!» — мелькнуло успокоительно в голове Красильникова, как будто было очень важно, знает или не знает Петька, что Фёдор Николаевич Красильников перестал быть заведующим райздравом.

Успокоился только на пароме, сидя среди явно незнакомых колхозниц, споривших насчёт какой-то Фетинии: зазнаётся или не зазнаётся с тех пор, как стала бригадиром.

На середине реки девчата пришли к единогласному решению: не зазналась Фетиния, а только её дело теперь такое: когда и приказать надо, когда и взыскать.

Красильников внимательно слушал разговор, даже реплики про себя подавал.

«Ну и ладненько, что Фетиния ваша не зазналась, а мне вот зазнайство пришили», - мысленно заключил он беседу девушек и поднял голову.

Паром собирался причалить. На помосте стоял участковый фельдшер Устинов. Тот самый, которого он две недели тому назад освободил от работы за пьянку. Не хотелось бы этой встречи, да, видно, не миновать. Паром глухо толкнулся о причал, остановился.

Устинов смотрел прямо на Красильникова с просящей улыбкой на губах и недобрым блеском глаз.

Фёдор Николаевич молча остановился перед фельдшером, пожал протянутую руку.

— Будешь, Устинов садиться? — крикнул дед-перевозчик, берясь за весло.

— Повременю, — хрипловато ответил фельдшер.

Он повернулся и пошёл рядом с Красильниковым, укрупняя шаги и стараясь попасть в ногу.

— Фёдор Николаевич! — просяще заговорил он.

Красильников остановился, досадливо хмурясь. Это показалось фельдшеру плохим знаком. Боясь растеряться перед заведующим, вот таким большим, плотным, нахмуренным, он заторопился:

— Фёдор Николаевич! А почему эт-та никто хорошее об Устинове не вспомнит? разве Устинов не воевал? разве вот этими самыми руками, — он вытянул их вперёд, — тысячи камней не перенёс, как больницу восстанавливали? разве Устинов дела не знает? А помните, сами говорили Марьинской, что ей у меня надо поучиться диагнозы ставить, разве не я определил, чем эт-та Иващенко заболел. Да не что-нибудь. Туляремию определил. Ту-ля-ре-мию!

Красильников только сейчас вспомнил, что хотел просто проучить фельдшера, воспитывать, так сказать. Устинов, действительно, знал дело. Следовало принять его на работу. Теперь уже поздно. Как-то новое начальство посмотрит.

Устало и виновато глядя на фельдшера, сказал:

— Иван Васильевич! Тебе в райздрав надо пойти.

— В райздрав? — озлоблённо выкрикнул фельдшер. — Значит, начальство на отдыхе, и потревожить своей бедой нельзя.

— Не начальство я больше, — тихо, но твёрдо ответил Красильников, — Меня сегодня бюро освободило от работы.

Он ожидал, что Устинов злорадно засмеётся, а может, и крикнет что-нибудь обидное, но Устинов неожиданно затоптался на месте, сжимая кепку обеими руками.

— Бывает. Эт-та бывает! — смущённо пробормотал он.

Красильников прошёл несколько шагов, когда Устинов снова нагнал его.

— Фёдор Николаевич! А вы эт-та не вешайте головы, работы хватит. А вас ещё вспомнят. Ещё поклонятся.

Простившись с Устиновым, Красильников зашагал узкой тропкой вдоль берега. Кое-где, продираясь сквозь заросли ивняка и боярки, искал ускользящую тропку. На поляне детишки облепили поспевающий тутовник, горстями отправляли в рот розоватые и чёрные ягоды. С шерстомойки, низко стелясь над водой, раздался гудок, кончилась смена. Вот и торопятся: кто на фабрику, кто с фабрики, а ему некуда торопиться. Ни сегодня, ни завтра; ни послезавтра...

Выбрав удобное местечко, разделся, посидел на бережку и вошёл в воду. Вода была ледяной, обжигала тело. Он передёрнул плечами и с размаху бросился на середину протоки. Течение сносило вниз, но он упорно плыл навстречу течению и даже бормотал, словно борясь с невидимым противником:

— Ах, ты так! Нет, врётся, брат! Выплывем! Не из слабосильной команды.

Выйдя наконец на берег, раскинулся на траве, почти счастливый от солнца, воды, движения и вдруг опять вспомнил всё. Снова в ушах зазвучали слова секретаря райкома:

— Красильников забыл, что он врач. О людях забыл, ушёл в сводки, да в показное благополучие. С коллективом перестал считаться, людей уважать. Надо снова к земле прикоснуться.

На низовой работе побыть. Чудодейственное это средство. Снова человеком станет.

Словно давая отпор, думал:

«А вы забыли, как хвалили Красильникова? Как Красильников сумел ещё в сорок шестом году рентгеновскую установку в крае вырвать, одну из трёх? А кто больницу до пятидесяти коек расширил? Не Красильников? А кто добился ассигнований на строительство детских яслей? А кто сумел весь штат укомплектовать? Не Красильников? Небось, в соседнем районе восьми врачей не хватает».

Внезапно понял, что думает словами Устинова. Усмехнулся-ля: значит, такова психология обиженных: никто не хвалит, дай сам похвалюсь. А вот сумеет ли, продираясь сквозь заросли обиды, найти истину?

Вспомнилось детство Отец — служитель при анатомичке — имел только одну мечту: пусть сын станет доктором. Когда увидел сына первый раз в халате, белой накрахмаленной шапочке, заплакал. Почему же сейчас так обидно? Неужели оттого, что снова станет врачом? Так об этом мечтал с детских лет. Или заскучал о кресле за двухметровым столом, заседаниях, осторожном стуке секретарши: «К вам, Фёдор Николаевич, доктор Марьянская на приём», суматошных телефонных звонках?

Сорвал ветку, замахал, отгоняя назойливую мошкарку, а горькие мысли вились ещё неотступней.

Захотелось припомнить всю жизнь. А, пожалуй, хорошего в ней было немало. Когда-то молотое самолюбие заставляло доктора Красильникова самозабвенно работать. Пожалуй, удача никогда не изменяла ему. Нет, какая же удача? Руки, голова. А сердце? Было сердце? Было, разве не бежал ночью в больницу по тёмным улицам, встревоженный мыслью, что больному стало хуже? Разве не смотрел тайком из-за занавески, как вылеченную им женщину, которую привезли месяц назад приговорённой к смерти, встречали у больничных ворот муж я дети? Разве щадил себя в партизанском отряде?

Вспомнил давнее, и мысли приняли иное направление. Там, в отряде, встретил Марусю. Какой звонкоголосой она была тогда. Командир шутливо грозил ей; «Не научишься, Румянцева, шёпотом говорить, каждый день по наряду давать буду». Когда Маруся не вернулась с задания, Красильников понял, что любит. Любит так, как никого и никогда ещё не любил... А жить было нужно, жить, чтобы сражаться, чтобы помочь сражаться другим... Через месяц отбили у врага село. В подвале фашистской комендатуры нашли несколько пленных, которых гитлеровцы в панике не успели пристрелить. В углу на охапке соломы лежала женщина с седою прядью волос. Он на руках вынес её из подвала. Она была без сознания, почерневшие, потрескавшиеся губы не разжимались. На воздухе она внезапно на мгновение открыла глаза, и тогда он чуть не выпустил из рук это исхудавшее настрадавшееся тело: она, Маруся...

Когда поженились и окончилась война, он уговаривал её стать врачом, но у Маруси была своя мечта. Ему казалось, что быть агрономом не очень-то женская профессия. Конечно, он знал женщин агрономов. Но облик хрупкой, изящной Маруси не вязался с пыльником, грубыми кирзовыми сапогами (довольно носила она их в годы войны!), необходимостью ругаться с бригадирами и трактористами. Всё в нём протестовало, но настоять на своём не сумел. Впрочем, он получил всё, что хотел — уют, умную, красивую и заботливую жену, прелестную дочь. Поэтому, пожалуй, он легко мирился с деятельностью Маруси за пределами дома, хотя и не особенно интересовался ею. Недавно в краевой газете появилась статья «Сельский агроном», и только из неё он узнал об очень важных опытах, которые, оказывается, вела Маруся, создавая новый сорт пшеницы.

Маруся сначала смутилась, потом подняла на него сияющие счастьем глаза. В этот вечер он понял, что у жены есть собственный мир, в который он никогда не входил, уверенный, что она живёт только им и его интересами.

Прошло несколько дней, и всё стало на свои места, возвращаясь домой, он рассказывал жене, какую головомойку устроил Марьинской («Понимаешь, захожу в операционную, а там мухи!»), изредка шутливо спрашивал: «Ну, а как твоя пшеница? Наверное, с тополь выросла?» и не вслушивался в ответ.

Никогда не думал, что и это поставит в строку секретарь райкома. Правда, не на бюро, а после, задержав Красильникова для беседы. Вот ещё манера: избил до потери сознания, и ещё в душу влезать!

— Ты, Фёдор Николаевич, и к жене с таким же равнодушием отнёсся,— сказал секретарь, стоя вполоборота к окну. — Я тебя знаю, откажешься здесь работать, будешь просить крайздрав о переводе. Самолюбие не легко смирить. А ты бы подумал, как Румянцева нам нужна. Да и ей здесь для опытов все условия созданы.

Красильников сердито щёлкнул себя по плечу, раздавил впившегося комара. Вечерело. А неплохо ещё раз побарахтаться в воде! Несколько раз переплыл протоку, а когда начал одеваться, то окончательное решение словно само вызрело в сердце.

Конечно, выход один, уехать. Только уехать. Не может же он завтра явиться в больницу к той самой Марьинской, которую распекал столько раз в жизни. Слышать за спиной шушуканье, чувствовать перемигивание. Нет, новое место, а там можно и сначала начинать.

Тропка, по которой он шёл, вильнула вправо, влево и вдруг исчезла. Он шёл, раздвигая руками кусты, какая-то ветка больно хлестнула по лицу, шипы гледичии цепляли одежду. Чертыхнулся: вольно же было сидеть дотемна. Парома не было. На той стороне мерцала звёздочка: видно, дед попыхивал трубкой. Красильников попробовал кричать, не помогало: после десяти паром подавали ещё дважды, через час. Райисполком премировал деда часами, и дед твёрдо соблюдал график движения. Причалил он ровно в одиннадцать Красильников хотел выругаться, но дед был так преисполнен чувством своей правоты, что язык не повернулся.

Пожалуй, и лучше, что задержался. Наташка спит, да и Маруся, вероятно, тоже. Неприятный разговор можно отложить до завтра.

Внезапно встревожился. А что если Маруся откажется ехать? Возьмёт и откажется. И доводы приведёт. Свою пшеницу вспомнит. Но сейчас же успокоил себя: не может того быть. Никогда Маруся не пойдёт против его желания. Любит же она его.

Маруся не спала. Он наотрез отказался ужинать, быстро прошёл в спальню, разделся, потушил свет. И по тому, что Маруся не настаивала на ужине, по тому, как она раздевалась не зажигая огня, понял: знает.

Маруся лежала молча, но он знал: она не спит. Прошло не меньше часа. Маруся босиком перебежала комнату, села на край его кровати, ощупью положила руки ему на плечи.

— Федя! Ты ничего не думай, уедем, уедем и всё, — торопливо заговорила она.

На сердце Красильникова стало необычайно легко. Вот и не надо длинного объяснения. Всё ясно и решается так, как он хотел. Неожиданно для себя он спросил:

— Ну, а как твои опыты, твоя пшеница? Не жаль тебе их?

— Конечно, жаль, — призналась Маруся и сейчас же оборвала себя. — Не думай об этом. Здесь товарищи мои опыты закончат. Да и сама я в любом месте их сумею поставить и завершить. Зато тебе легче будет.

Фёдор притянул к себе жену, поцеловал.

— Иди-ка, ты спать, Маруся, — серьёзно потребовал он. — И не мешай мне думать.

Он не спал почти до утра, рассвело Приподнявшись на локте, он глядел на жену, на её пушистые волосы с седой прядью, красивое лицо, маленькую загорелую руку, свесившуюся с кровати, улыбнулся уголком губ: «Значит, ты, маленькая, любую тяжесть хочешь поднять, чтобы мне легче было?» — мелькнула тёплая и одновременно горькая мысль.

Не заметил, как сомкнулись глаза, в последнюю минуту, в полусне увидел заросшую травой тропку, по которой ходил днём, цепкие ветви гледичии, растерянное лицо Устинова и быстрину и вольный бег реки...

* * *

Пожалуй, для всех, в том числе и для секретаря райкома, было неожиданностью, что Красильников остался работать здесь и удовлетворился скромным местом врача ординатора.

— Ох, и трудно мне будет. Он же командовать привык,— встревожилась Мариинская.

Но Красильников держал себя спокойно и скромно, наоборот, он чувствовал неловкость, особенно в те минуты, когда окружающие старались проявить к нему внимание или приязнь: они казались ему незаслуженными.

Первое своё дежурство он провёл в поликлинике, где врачи больницы принимали раз в неделю.

Перед ним стояла в безмерной тревоге пожилая колхозница, она привела сына.

— Не ест, не пьёт, баловаться с ребятами перестал. Обессилел совсем. Всё бы спал, ума не приложу, что случилось.

По тёмной щеке текли слёзы, а мальчик следил за матерью безучастным взглядом.

Из-за плеча матери насторожённо выглядывал старших! сын. Красильников узнал в нём того самого угольно-чёрного мальчишку, что благополучно миновал водоворот.

— Ну что, торреадор,— спросил он, — всё плаваешь по Кубани, не попал в кружило?

— И николи не попаду, — уверенно заявил мальчик.

Красильников осматривал больного долго, тщательно скрывая волнение и боязнь ошибиться, не поставить диагноза, но, когда он, наконец, заговорил, то твёрдо знал — мальчик будет здоров. Не пройдёт и месяца, как мать будет сердито кричать сыновьям: «угомону на вас нет, пострелы», а братья огородами будут сбегать к реке, катя перед собой надутую камеру, чтобы вместе с ней, наскоро сорвав с себя рубашонки, с разбегу плюхаться в воду.

Тон у доктора был такой спокойный и уверенный, что мать вытерла слёзы и благодарно кивала головой, слушая его объяснения...

Из поликлиники Фёдор Николаевич возвращался медленно, отвечая на поклоны встречающих: идёт доктор Красильников, который все силы и душу отдаст борьбе за жизнь человека.

Навстречу с крыльца сбежала Наташа, повисла на шее у отца. Попржежнему на столе стояли приборы, накрытые салфеткой и, увидя мужа, засуетилась Маруся.

Он перехватил её где-то между столовой и кухней в коридорчике, обнял за плечи, сказал шёпотом, называя тем именем, что звал в первые дни после женитьбы.

— Знаешь, серденько-Марусенько, а кажется, я счастлив.

Маруся ответила ему лукавым и ласковым прищуром глаз.

— Мы счастливы,— с ударением поправила она.

— Мы,— серьёзно повторил Фёдор Николаевич.

Войдя в столовую, он засмеялся, подхватил дочь, которая уже чинно сидела за столом.

— Как твои соображения, Наталья Фёдоровна, насчёт счастья? Будем мы счастливы?

Наташа кивнула головой так уверенно, что бант, державшийся на самом кончике светлой прядки, упал на пол.

— А кем ты будешь, Наташок, агрономом или доктором?

Наташа ответила не сразу.

— А я лучше нянничкой в яслях или шофёром...

Резко зазвонил телефон, Фёдор Николаевич поднял трубку, лицо его стало серьёзным.

— Да, это я. Доктор Красильников... Перелом, говорите?... Буду, сейчас же буду...